

ГЕОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ

УДК 911.3

О. А. Климанова, Е. Ю. Колбовский

Хронотоп как фактор формирования и развития культурных ландшафтов (на примере Средиземноморья)

В статье предпринята попытка описания гипотезы формирования культурных ландшафтов в результате сложного процесса взаимодействия природных и культурных факторов. В качестве экспериментальной «сцены» рассмотрены культурные ландшафты Средиземноморского физико-географического региона. Предложена модель культурного ландшафта как пространственной сущности, возникающей в ходе взаимодействия этноса и природы под конфигурирующим влиянием конкретного хронотопа, понимаемого как комплекс социально-эстетических условий эпохи.

Ключевые слова: культурный ландшафт, хронотоп, физико-географические страны.

O. A. Klimanova, E. Ju. Kolbovsky

Chronotop as a Factor of Formation and Development of Cultural Landscapes (on the example of the Mediterranean)

In the article an attempt to describe a hypothesis of formation of cultural landscapes as a result of difficult process of natural and cultural factors interaction is made. As an experimental “scene” cultural landscapes of the Mediterranean physiographic region are regarded. The model of a cultural landscape is offered as a spatial essence arising during interaction of ethnos and the nature under configuring influence of a certain chronotop, which is understood as a complex of social and aesthetic conditions of the era.

Keywords: cultural landscape, chronotop, physiographic countries.

Постановка проблемы

Для географического пространства процесс территориальной экспансии цивилизации означает, прежде всего, осмысленное (реже стихийное) распространение определенной системы духовных, культурных, социальных и экономических ценностей, совокупность которых и составляет цивилизационную систему. В качестве объекта таких исследований нами выбран культурно-исторический регион Средиземноморья с наибольшей плотностью цивилизаций в Старом Свете и высокой степенью сохранности культурного наследия. Последнее предоставляет возможность исследовать “in situ” образцы культурных ландшафтов предыдущих эпох в конкретной географической обстановке.

Наиболее четко влияние природной обстановки на территориальную экспансию цивилизаций проявляется на ранних стадиях исторического развития [1]. По мере усложнения технологий и диверсификации хозяйства эта зависимость ви-

доизменяется и становится не всегда очевидной в региональном разрезе. Однако, кроме (и помимо) этого обстоятельства, есть и другое – всякий культурный ландшафт подвергается переработке в последующие исторические эпохи, отчасти утрачивая «укорененные» черты, отчасти приобретая новые, что вызывало к жизни сравнение исторического ландшафта с палимпсестом, особенно популярное в английской программе инвентаризации наследия [6].

В связи с этим для исследования взаимосвязи между морфологией культурного ландшафта и хронотопом наилучшим полигоном представляется регион Средиземноморья с его относительно хорошо сохранившимися ландшафтами и очевидными этно-историческими источниками и цивилизационными влияниями.

Исследовательская гипотеза

Основными результатами освоения человеком территории региона можно считать расширение

сферы влияния человеческой деятельности в пространстве «дикой» природы, а также постепенное накопление в ландшафте антропогенных черт, определяющее переход природных ландшафтов в категорию антропогенно измененных, а затем и собственно антропогенных [6]. В том случае, если речь идет о регионах длительного цивилизационного освоения (к числу которых относится и Средиземноморье), на наш взгляд, правильнее говорить не об антропогенных, а о культурных ландшафтах. Ведь их географическое пространство в ходе развития цивилизаций не только довольно давно и почти целиком «осмыслено» человечеством, но и несет на себе отпечаток разных культур. Культурный ландшафт в таком случае не просто становится «вмещающим» для конкретного этноса, но и оказывается пространством для развития цивилизации, нередко включающей в свой состав разные этносы. Иной смысл в цивилизационном контексте приобретает и понимание культурного ландшафта как исторического пространства, выражающего формы существования различных пространственно-временных отношений – хронотопов, по Г. С. Кнабе [5]. Подобное переосмысление отчасти связано с разным географическим масштабом этноса и цивилизации.

При всей широте интерпретации понятий этноса и нации в хронологическом отношении хронотоп этнического всегда предшествует хронотопу национального, они могут отождествляться, но не меняться местами. Аналогично упорядочено и соотношение понятий культура и цивилизация – хронотоп культуры всегда предшествует хронотопу цивилизации или отождествляется с ним [9]. Продолжая этот ряд, можно добавить, что и в хронологическом отношении ареал культурного ландшафта определенного этноса меньше, чем ареал культурного ландшафта, характерного для определенной цивилизации. Возможно, в данном случае правильнее говорить не об отдельном культурном ландшафте, а об их совокупности – пространственной модели мозаики освоения, которая составляется разными этносами в разные исторические периоды. Таким образом, уместны соотношения: культурный ландшафт – этнический хронотоп, пространственная мозаика освоения – цивилизационный хронотоп.

Для соотношений цивилизационного хронотопа и ландшафта (в самом общем понимании этого слова) верны те же особенности, что отмечены для хронотопа этнического. К ним в пер-

вую очередь можно отнести выработку моделей приспособления хозяйственной деятельности к конкретной климатической и исторической обстановке. Только в случае с цивилизациями возрастает степень разнородности этой обстановки и необходимость определения ведущих факторов, обусловливающих общие для цивилизаций тренды преобразования территории.

Своеобразие ландшафтных особенностей Средиземноморья и смены климатической обстановки в исторический период

Для историков Средиземноморский регион стал моделью для исследования роли географической среды в историческом процессе, что нашло отражение в многочисленных работах (см., например, Бродель [2], Буданова [3]). Выделим важнейшие ландшафтные особенности, определившие развитие большинства цивилизаций, формировавшихся в пределах региона в древности и раннем средневековье.

Значительная расчлененность рельефа обуславливает равноправную роль зонального и высотного факторов в дифференциации ландшафтов. В пределах региона широко распространены ландшафты горного и плоскогорного классов, в том числе низкогорья и плато, сформировавшиеся на карстующихся известняках. Низменные равнины занимают в Средиземноморье небольшие площади, часто заболоченные. Широко распространены высокие внутренние плато, аккумулятивные равнины внутригорных впадин, заполненные, в том числе и четвертичными озерными, пролювиальными и аллювиальными отложениями [4]. Такое сочетание равнинных и горных ландшафтов, лежащих в непосредственной близости, определяет возможность различных комбинаций их использования в составе мозаики освоения.

Сезонная ритмика в средиземноморских ландшафтах выражена достаточно резко. Дефицит влаги приходится на лето, продолжительность засушливого периода составляет от 40 (граница субсредиземноморья) до 200 дней (граница полупустыни). Граница биоклиматического региона Средиземноморья на юге проходит по изогие 100 мм (иногда 150 мм). Максимум осадков, приходящийся на относительно теплообеспеченный период, переносит сельскохозяйственную активность на весну, а также ставит древесные культуры в более выгодное положение перед зерновыми.

Теплый климат с ярко выраженным летним дефицитом влаги установился в Средиземноморье с начала голоцена – около 11,5 тысяч лет назад. В течение всего голоцена для Средиземноморья было характерно постепенное сокращение увлажнения, причем примерно 5,5 тысяч лет назад наступил наиболее сухой период, который продолжается и сейчас. Смена климатической обстановки в рассматриваемую нами историческую эпоху была связана со Средневековой климатической аномалией – потеплением, – отмеченной в X–XIV веках, и Малым ледниковым периодом с XVI по XIX век. Увеличение зимних температур (так называемое Римское потепление) также происходило 2,7–2,4 тыс. лет назад, а затем – около 450 г. н. э.

Длительная история антропогенного освоения осложняет определение вклада климатического фактора в изменение ландшафтов региона, однако палинологические данные свидетельствуют, что первоначально регион был лесным. В составе первичных средиземноморских лесов к югу от 41–39° градусов северной широты преобладали вечнозеленые дубы, олива европейская, рожковое дерево, фисташка и мирт обыкновенный. Севернее к ним присоединялись листопадные виды дубов, каштан, хмелеграб обыкновенный, ясень манновы. В отдельных частях Средиземноморья – в горах Сьерра-Невада (Андалусия, юг Испании), Греции, Турции – часто встречались и хвойные: сосна, пихта, кедр, кипарис и можжевельник.

Цивилизационное освоение пространства Средиземноморья

Древнейшие цивилизации, возникшие в географических пределах Средиземноморья, шумерская (V тыс. до н. э.) и египетская (III тыс. до н. э.) имели локальное распространение и сформировались в период относительно более влажный, чем сегодняшний. Согласно классификации Л. И. Мечникова [8] их можно отнести к речным цивилизациям; основным вмещающим ландшафтом для них стали постоянно затопляемые низкие аллювиальные равнины, располагающиеся в нижнем течении рек, берущих начало в более влажных верхних частях бассейна. Орошаемое земледелие – трудоемкий и технологически сложный способ преобразования ландшафта, требующий жесткой иерархии общества. По сути, уже на ранней стадии развития эти цивилизации практически полностью преобразовали вмещающие их ландшафты, превратив их в антропо-

генные. Но древние египтяне и шумеры осваивали не только речные долины, но и близлежащие возвышенности. Они вырубали редколесья (в эпоху более влажного климата их было довольно много), выпасали на склонах предгорий скот. В то же время чрезмерная эксплуатация ресурсов низкопродуктивных ландшафтов довольно быстро привела к экологическим кризисам, выразившимся в обмелении рек, вторичном засолении полей и опустынивании.

В совершенно иной природной обстановке развивались цивилизации бронзового века, так называемой **эгейской культуры** (3–2 тыс. до н. э.), на островах Эгейского моря, Крите, в материковой Греции и Малой Азии (Анатолии). Этот климатический период характеризовался уже вполне очевидным увеличением засушливости, и более благоприятные с точки зрения увлажнения условия складывались на островах, а также у подножий возвышенных хребтов, выступавших аккумуляторами влаги. Именно для эгейских культур характерно появление и локальное распространение сельскохозяйственных растений, так называемой «средиземноморской триады» – пшеница, олива, виноград, – которые выращивались уже без полива на аккумулятивных равнинах межгорных впадин, обращенных к морю. В отличие от орошаемого земледелия увеличение продуктивности при богарном земледелии прямо связано с благоприятной климатической обстановкой и ростом обрабатываемых площадей. Земледелием круг хозяйственных занятий не ограничивался, эгейцы занимались также скотоводством и морской торговлей. Скот выпасался в основном во внутренних горных районах на высоких плато. В сочетании с пахотным воздействием это вызвало первый четко датируемый данными споро-пыльцевого анализа период обезлесения в Средиземноморье. В Восточной – более сухой части региона – он наступил около 5 тысяч лет назад, в более влажной – во II тысячелетии нашей эры.

Из цивилизаций Восточного Средиземноморья особо отметим **финикийцев**, известных своими достижениями в мореплавании. В отличие от островов, например Крита, где холмистые возвышенности и предгорья предоставляли большие возможности для ведения земледелия, узкая полоса Левантского побережья явно ограничивала распространение пашни. Но горные склоны получали довольно много осадков и были покрыты хвойными и вечнозелеными жестколистными лесами, которые активно использова-

лись для строительства кораблей и для торговли с малолесными державами (таковой для финикийцев был Древний Египет). Со временем торговля и мореплавание стали основным занятием финикийцев. В местах своих новых и более поздних колоний, например, в Карфагене на территории нынешнего Туниса, финикийцы продолжали заниматься земледелием, но делали это в более подходящих условиях, чем в Леванте. Карфаген, расположенный у подножья склонов Тунисского Атласа, окружен хорошо увлажненными подгорными равнинами, на которых возможно выращивание зерновых без полива. В этом новом районе у финикийцев сложилась довольно четко выраженная специализация ландшафтов – горные склоны террасировались и отводились под плантации оливковых деревьев, подгорные и межгорные равнины – под поля пшеницы.

Распространение финикийской цивилизации означало также и переход к новой «морской» эпохе в цивилизационном развитии Средиземноморья. Наряду с **территорией**, важную роль в пространственно-временных отношениях цивилизаций стала играть **акватория**. Уже со II тысячелетия до нашей эры экономические связи в Средиземноморье стали очень активными за счет каботажной торговли. В это время решающее значение приобретают ландшафты береговой зоны, а именно их способность служить удобной и надежной гаванью для судов. Особую роль в этой ситуации играл баланс приносимых морскими течениями и впадающими реками наносов, чрезмерный объем которых мог быстро привести к обмелению или заилению гавани. Такая судьба постигла порты многих греческих колоний, в частности, в Малой Азии.

Древнегреческая цивилизация значительно раздвинула границы Средиземноморья как единого историко-культурного региона. Греческие колонии появились в Причерноморье (крайний северо-западный форпост средиземноморской культуры), по-видимому, это совпало с потеплением в этом регионе. Особенно много дошло до наших дней древнегреческих ландшафтов в Малой Азии (кстати, именно в пределах нынешней Турции расположены города-центры эллинской культуры – Эфес, Милет, Дидим). Распространение древнегреческой цивилизации шло в основном в местоположения, занятые известняковыми плато и массивами. В условиях интенсивного развития скотоводства это вызывало локальные экологические кризисы и вынуждало искать но-

вые районы для освоения. Накопленный опыт освоения территории в греческих колониях стал крайне востребован в эпоху **Римской империи** (150 г. до н. э. – конец 5 в. н. э.) – время сплошного площадного освоения Средиземноморья.

Древние римляне называли Средиземное море *Mare Nostrum* – Внутреннее море – и после падения Карфагена создали главную средиземноморскую державу. Эпоха расцвета Римской империи совпала с наступлением влажного периода (550 г. до н. э. – 350 г. н. э.), в котором в то же время был отмечен и аридный интервал (190 г. до н. э. – 150 г. н. э.). Большая часть природных лесов на территории, вошедшей в состав Римской империи, уже была вырублена, однако увеличение влажности, особенно в северных районах, позволило, наряду с повсеместным распространением сельскохозяйственных культур средиземноморской триады, начать и ведение лесного хозяйства – создавать лесные плантации грецкого ореха и каштана. Об этом четко свидетельствуют результаты споро-пыльцевого анализа из разных районов Средиземноморья. Для римского времени характерны масштабные переброски стока из влажных горных районов к побережью и в межгорные долины, практически повсеместно в Средиземноморье можно встретить наследие той эпохи – акведуки.

Наряду с акведуками, присутствие древнеримской цивилизации в ландшафте маркируют театры и амфитеатры, располагающиеся обычно на безлесных степных пространствах подгорных равнин. По сути, Римская эпоха тиражировала свои культурные ландшафты по всему Средиземноморью, унифицируя тем самым его территорию.

Спустя очень небольшой промежуток времени после падения Римской империи в отдельных районах Средиземноморья, в первую очередь на Пиренейском полуострове, ей на смену пришли арабы. **Арабская цивилизация** разительно отличалась от предыдущих, прежде всего, тем, что первоначально сформировалась в более сухих, чем большая часть Средиземноморья, районах и, кроме того, была мусульманской. Удивителен и тот факт, что именно в Средиземноморье арабы-кочевники сумели создать объекты, характерные для оседлой культуры, часть которых дошла до наших дней в малоизмененном виде. Местом максимального проявления влияния арабской цивилизации стала Андалусия (ее название унаследовано от арабского Аль-Андалус). Характерный для арабов культ воды, принесенный из

аридных районов, воплотился в Средиземноморье в реабилитации римских оросительных систем, разрушенных вестготами и варварами, создании дворцов с садово-парковыми ландшафтами (Альгамбра и сады Хенералифе в окрестностях Гранады). На смену римской унификации ландшафтов пришло точечное (или локальное) преобразование ландшафта – превращение из тиражируемого образца в шедевр садово-паркового и дворцового искусства. Именно в эпоху арабской цивилизации, сначала в дворцовых садах, а затем и повсеместно, распространились цитрусовые – апельсиновые деревья, которые попали в Европу из Китая.

Завершение Реконквисты – отвоевывания у арабов испанского христианского мира – произошло в 1492 году и совпало с еще одной датой – началом Эпохи Великих географических открытий. Для цивилизации Средиземноморья это означало выход за пределы внутреннего моря и распространение средиземноморского хронотипа в Новый свет. Однако там (словно в подтверждение тезиса о том, что культурный ландшафт – отпечаток культуры на природе [7]) мест, где он укоренился, крайне мало. К числу таких районов с некоторой долей условности можно отнести Калифорнийскую долину в США и Продольную Долину в Чили.

Краткие результаты

Анализ вовлечения ландшафтов в цивилизационное развитие Средиземноморья показал, что освоение территории шло в двух направлениях. *Первый вектор освоения наследовал изменение градиента увлажнения:* от субтропических аридных и семиаридных ландшафтов на юго-востоке (Месопотамия, низовья Нила) до северных семигумидных с фрагментами гумидных на западе (Пиренейский полуостров). Подобное распространение определялось первоначальным господством в пределах региона орошаемого земледелия, а затем его сменой на богарное в сочетании со скотоводством и лесным хозяйством, а также морской торговлей. *Второй вектор был связан с перемещением по абсолютной высоте:* первоначально осваивались ландшафты речных долин и дельт, позже прибрежные и межгорные аккумулятивные равнины, затем денудационные плоскогорья и складчатые структуры. Освоение по этим двум векторам в той или иной мере характерно для большинства цивилизаций Средиземноморья.

Первой цивилизацией, распространившейся по всей территории Средиземноморья, стала цивилизация Древнего Рима, унаследовавшая опыт освоения территории колониями античности, но возведшая его в ранг тиражирования моделей освоения со своими атрибутами материальной и духовной культуры. Римская цивилизация завершила построение культурного ландшафта Средиземноморья, обозначив четкую территориальную приуроченность его элементов.

Последующее территориальное развитие региона вносило лишь некоторые штрихи, усложняя отдельными элементами сложившийся рисунок. В то же время отмеченные закономерности, скорее всего, верны для времени, когда цивилизации существенно зависят от природной обстановки, в которой формируются. Последующее развитие технологий ведения хозяйства оставляет лишь общие контуры средиземноморского культурного ландшафта, превращая его в «палимпсест». Однако, несмотря на разную степень нарушенности, черты этого ландшафта унаследованы в структуре землепользования и наборе сельскохозяйственных культур региона и объединяют его в одно целое от Пиренейского полуострова до Леванта.

Перспективы для дальнейших исследований

Таким образом, анализ истории культурных ландшафтов Средиземноморья позволяет предложить следующую модель, нуждающуюся в верификации на материалах, относящихся к разным историческим эпохам и разным регионам биосферы Земли.

Культурные ландшафты формируются в результате взаимного наложения трех сущностей, две из которых являются пространственными и традиционными для географии, а третья, скорее, нематериальная сущность, призвана служить своего рода методологическим мостом, объединяющим географию с историей, социологией, культурологией.

Первая сущность – физико-географическая матрица с выделами увеличивающейся размерности: типы природных экосистем (экотопов, геотопов) – природные районы – физико-географические провинции – физико-географические страны – группы стран – микроконтиненты.

Вторая сущность, социально-геополитическая (административно-территориальная) матрица: административные районы – провинции – страны – группы стран.

Третья сущность – хронотопы, культурная «субстанция» нематериального порядка, под которой подразумевается стилистика освоения пространства, определяемая всем комплексом социально-экономических и культурно-этнографических факторов данной исторической эпохи.

В рамках предлагаемой модели физико-географическая сущность представляет исходный комплекс условий освоения, каковой география «умеет» описывать, используя относительно просто измеряемые параметры географической среды (влажность, количество осадков, сумма активных температур вегетационного периода и т. д.). Совокупность этих условий формируют анизотропное геоэкологическое пространство освоения.

Социально-геополитические условия формируют внутри этого пространства своего рода силовое поле, узлы и линии напряженности которого накладываются как производная второго порядка над уже и так неоднородным физико-географическим. Наличие полюсов силы и спорных зон военных конфликтов – всего лишь одно из проявлений конфигураций такого поля в субконтинентальном масштабе. Другое – поляризация по принципу «центр» – «периферия» в пределах любого региона. Наконец, на уровне отдельных частей региона (его ареалов) действие сил социального поля проявлялось, например, в наличии «монастырских углов» – мест, где освоение осуществлялось монастырями, ареалов сосредоточения латифундий (или позднее – вилл), ареалов, появившихся благодаря актам, аналогичным огораживанию, или вследствие других исторических процедур сосредоточения земель «в одних руках» и под определенные цели освоения.

Наконец, хронотоп – важнейший пространственный конфигурирующий (используя терминологию общей теории систем), который функционирует как «производная третьего порядка», накладывая на уже без того сложный рисунок освоения свой «узор». Хронотоп диктует «стилистику» освоения, сказывающуюся на необусловленных материально (и непосредственно) особенностях проработки пространства, слабо формализуемых в терминах классической географии, и пока практически не описанную ни в одной из развернутых версий теории так называемого «культурно-ландшафта».

Г. С. Кнаббе [5] блестяще продемонстрировал, что различная стилистика освоения зачастую свойственна авторитарным и демократиче-

ским сообществам (на примере античного городского ландшафта Римской империи).

Между тем очевидно, что устройство довольно обширных культурных ландшафтов разных провинций Средиземноморья в отдельные значимые переломные эпохи во многом диктовалось модой на те или иные ландшафты. Более того, как показала Новая история, «мода» на ландшафты (в частности, культурные ландшафты Средиземноморья) распространялась далеко за пределы тех или иных стран и даже субконтинентов. Этот вывод, казалось бы, не нов, однако заимствование стилей обычно сводят к распространению по Европе «мавританских» или «итальянских» садов. Между тем влияние хронотопа проявлялось на несравненно более глубоком уровне и в куда более широких рамках. Так, культурные ландшафты Англии в XVI–XVII веке оформляются новыми владельцами поместий (после секуляризации монастырских земель, предпринятой Томасом Кромвелем) во вкусе итальянских ландшафтов (!), запечатленных в картинах Никола Пуссена, Клода Лоррена и других мастеров классической школы (которые, как известно, тренировали свою кисть на пейзажах Апеннинского полуострова). И это при том, что над топографической съемкой тех же поместий зачастую трудились будущие мастера голландской школы живописи, оставившие нам великолепные скетчи тех же земель в аксонометрии, но для современников эти свидетельства природной красоты ценности не представляли... Так за два века до появления собственного английского стиля произошло привнесение в пределы «туманного Альбиона» ландшафтов солнечного Средиземноморья.

Очевидно, что хронотопы существуют только в рамках цивилизационной «стрелы времени». Описание их возможно только на языке философии и культурологии (в меньшей степени – на языке современной эстетики). В географии и геоэкологии мы можем изучать пространственные проекции взаимодействия всех трех сущностей в определенные временные срезы – исторические эпохи, и для геоэкологического страноведения здесь вырисовывается захватывающе интересное поле исследований.

Ценность таких изысканий несомненна: оживившаяся в последнее время борьба за сохранение исторического ландшафта как части природно-культурного наследия требует разработки практических методов выделения предметов охраны, и, что еще более важно, методов «вписыва-

вания» ценнейших элементов «палимпсеста» в современные жизненные реалии. Но для начала

необходимо научиться такие элементы определять, понимать и картографировать.

Библиографический список

1. Баландин, Р. К., Бондарев, Л. Г. Природа и цивилизация [Текст] / Р. К. Баландин, Л. Г. Бондарев. – М. : Мысль, 1988.
2. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II [Текст]. В 3-х ч. Ч. 1. Роль среды / Ф. Бродель. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
3. Буданова, В. П. История мировых цивилизаций [Электронный ресурс] / В. П. Буданова. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/67100>
4. Исаченко, А. Г., Шляпников, А. А. Ландшафты [Текст] / А. Г. Исаченко, А. А. Шляпников // Природа мира. – М. : Мысль, 1989. – 504 с.
5. Кнабе, Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима [Текст] / Г. С. Кнабе. – М. : Индрик, 1993. – 528 с.
6. Колбовский, Е. Ю. Исследование культурных ландшафтов средствами исторических геоинформационных систем : опыт Великобритании [Текст] /

Е. Ю. Колбовский // Ярославский педагогический вестник – 2011. – № 2. – Том III (Естественные науки). – С. 119–126.

7. Колбовский, Е. Ю. Ландшафтное планирование [Текст] / Е. Ю. Колбовский. – М. : Академия, 2008.

8. Мечников, Л. И. Цивилизация и великие исторические реки [Текст] / Л. И. Мечников. – М., 1995.

9. Пископфель, А. А. Нация и этнос в диалоге культуры с цивилизацией [Электронный ресурс] / А. А. Пископфель. – Режим доступа : http://old.iea.ras.ru/publications_new/ethnomethodology/pdf/em-11/092_106.pdf

10. The Climate of the Mediterranean Region : from Past to the Future. 2012. – <http://www.sciencedirect.com/science/book/9780124160422>

11. Merrills A. H. History and geography in late antiquity. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 390 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Balandin, R. K., Bondarev, L. G. Priroda i tsivilizatsiya [Tekst] / R. K. Balandin, L. G. Bondarev. – M. : Mysl', 1988.
2. Brodel', F. Sredizemnoye more i sredizemnomorskiy mir v epohu Filippa II [Tekst]. V 3-h ch. CH. 1. Rol' sredy / F. Brodel'. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury', 2002. – 496 s.
3. Budanova, V. P. Istoriya mirovyh tsivilizatsiy [Elektronny'y resurs] / V. P. Budanova. – Rezhim do-stupa : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/67100>
4. Isachenko, A. G., Shlyapnikov, A. A. Landshafty' [Tekst] / A. G. Isachenko, A. A. Shlyapnikov // Priroda mira. – M. : Mysl', 1989. – 504 s.
5. Knabe, G. S. Materialy' k lektsiyam po obshchey teorii kul'tury' i kul'ture antichnogo Rima [Tekst] / G. S. Knabe. – M. : Indrik, 1993. – 528 s.
6. Kolbovskiy, Ye. Yu. Issledovaniye kul'turnyh landshaftov sredstvami istoricheskikh geoinformatsionny'h

sistem : opy't Velikobritanii [Tekst] / Ye. Yu. Kolbovskiy // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – 2011. – № 2. – Том III (Yestestvenny'e nauki). – S. 119–126.

7. Kolbovskiy, Ye. Yu. Landshaftnoye planirovaniye [Tekst] / Ye. Yu. Kolbovskiy. – M. : Akademiya, 2008.

8. Mechnikov, L. I. Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki [Tekst] / L. I. Mechnikov. – M., 1995.

9. Piskoppel', A. A. Natsiya i etnos v dialoge kul'tury' s tsivilizatsiyey [Elektronny'y resurs] / A. A. Piskoppel'. – Rezhim dostupa : http://old.iea.ras.ru/publications_new/ethnomethodology/pdf/em-11/092_106.pdf

10. The Climate of the Mediterranean Region: from Past to the Future. 2012. – <http://www.sciencedirect.com/science/book/9780124160422>

11. Merrills A. H. History and geography in late antiquity. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 390 p.